

Галина Шестакова

Малахольная

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Шестакова
Малахольная

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шестакова Г.

Малахольная / Г. Шестакова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0164-7

Город Пермь не то что бы уж очень большой, но и не маленький. Крепкий такой миллионник. Люди тут живут разные. Счастливые и не очень. Влюбленные и брошенные любимыми. Да и время течёт здесь по своему: смешивая в переулках и революцию, и энтузиазм строителей коммунизма, и глухие 80-е, и целину, и современность. И истории происходят с людьми разные. Про любовь. В оформлении обложки использована фотография автора Валерия Невмержицкого. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0164-7

© Шестакова Г., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

«Райкин шоколад»	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Две морковинки	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

«Райкин шоколад»

Глава 1

Райка была блядью. И не забивала себе голову всякой ерундой. Она не стеснялась своего статуса и пыталась получить от жизни все, что могла, с помощью своих пряных женских прелестей. Мужикам нравился ее запах, ее упругое, крепкое тело, и не стеснительность во время секса. Она кричала, корчилась и извивалась, как кошка. Помойная. Но, приятная во многих отношениях.

Райка понимала, что можно выйти замуж и с помощью замужества поднять своей статус, и даже добиться кое-какого положения в городе, но когда она, только из интереса, смотрела на жен своих любовников, все желание выйти замуж улетучивалось вместе с папиросным дымом. Придется стать такой же чопорной и унылой, напялить на себя унылые шмотки и культурно выражаться. Ее от этого тошнило.

Правда один раз, после особенно гнусного дня на работе и вечернего нытья матери о том, что пора подумать о себе и о Петьке, который растет беспризорником при живой-то матери, и после скандала от одной из этих унылых жен, Райка села и задумалась. А не выйти ли замуж, вот за этого самого мужика, за которого так билась в истерике снулая жена. Просто из принципа. Решаться сразу многие проблемы. Бытовые. Появится квартира. Возможно, даже помощница по хозяйству. На этом Райкино воображением спасовало. Что она делать-то будет с этой помощницей? Будь Райка на месте помощницы, она непременно б перемеряла всю одежду хозяйки. И украшения. Да еще, может быть и прихватила бы себе чего то, особенно понравившееся. Нет, никакой помощницы. Что бы какая-то проשמандовка копалась в ее вещах и трусах! Это и решило вопрос с замужеством.

– Да, ну, нахер, – ответила Райка на материны приставания.

Да и в постели он так себе. Раз в неделю еще пережить можно, но что бы все время... да, ну, нахер. Решила Райка, и отказала кандидату от тела. Он, ходил с подарками, и ныл еще целую неделю, добиваясь неземных райкиных ласк. Но Райка была непреклонна. Подарки, правда, брала, не пропадать же добру. И потом мужиков, хоть и мало их после войны осталось, Райке хватало. Даже с избытком.

Райка с матерью Верой и сыном жили в десятиметровой комнатухе в деревянном домике на улице Красноармейской. И когда Райка принимала у себя очередного любовника, мать с Петькой уходили спать на пол, к соседке.

Вера хоть и ворчала и называла Райку блядью, произнося это похабное слово с французским прононсом, но деликатесы из Райконого блядского пайка – ела, хоть и кривилась.

А когда злилась на Райку, кричала ей, что надо было вытравить это блядское семя, то есть Райку, ещё в утробе.

Райка отца не знала. Мать не могла даже вспомнить лиц тех красноармейцев, которые сначильничали её, юную барышню с бисерной сумочкой и в меховой пелеринке, возвращавшуюся с репетиции рождественского спектакля от Побединских. Её сопровождал Коленька Побединский, студент университета.

Власть в городе менялась чуть ли не каждый день, но университет держался незыблемо. Преподаватели и студенты служили науке, а не властям.

Ещё утром в университете перед новогодними праздниками развесили приказ "Об усилении борьбы с контрреволюций", в котором объявили в Перми военное положение и расстрел за все, в том числе за слухи, панику и пьянство. За пьянство – расстрел на месте, без суда.

Красноармеец Дурнев, робея университетских стен, стесняясь своих снятых с убитого буржуа ботинок, которые для тепла и чтобы не сваливались, были дополнены портянками, перемотанными бечевкой, принёс пачку приказов, расклеил их по коридорам и согнал профессоров и студентов в самую большую и холодную аудиторию для разъяснительной работы. Лицо у Дурнева было странное, плоское и скуластое одновременно. Невыразительное лицо. Такого лица не бывает у революционных героев. Красноармеец Дурнев страдал от этого и брал другим. Презрительно глядя исподлобья, он по слогам прочитал приказ и, отложив бумажку, пояснил:

– За пьянство будем расстреливать на месте, – стараясь чеканить каждое слово, произнёс он и выдохнул в морозный воздух тяжелое, ртутное облачко вчерашнего перегара.

Кто-то из самых смелых студентов выкрикнул с задних рядов:

– А вдову Клико можно?

Дурнев вздохнул, не понявши вопроса, но пояснил ещё раз:

– Всех. Расстреливать будем всех. Кликуш, сплетников и пьяниц. Это есть товарищи ... кхм... – он запнулся, не зная, как правильно обращаться к этой вяло-враждебной толпе, – это будет непримиримая борьба с контрреволюцией! Мы уничтожим всех врагов революции! Всех! Бывших благородных господ, сынков буржуазии и вас, – он дёрнул щекой, – студентов и гимназистов. Всех, кто против рабочих и крестьян, – он произнёс последние слова, кривя узкие, потрескавшиеся губы, показывая максимальное презрение к ним, не воспринимавших его всерьёз. – Даже за глоток вина! – выкрикнул он зло в молчаливую аудиторию, пытаясь добиться от них хоть какой-то реакции. – Лично. Я лично буду расстреливать!

Для того, чтобы эти, эти, он никак не мог подобрать слова, чтобы они поняли всю серьёзность своего положения, он положил руку на кобуру, подкрепляя жестом, свои намерения.

На задних рядах стали шушукаться, не обращая на него внимание. Профессора делали вид, что не слышат и не видят неповиновения власти. Студенты пересмеивались и приглашали друг друга громким шёпотом в гости к какой-то вдове.

Это дико злило Дурнева, им плевать на него, на приказы и на революционную власть и расстрелы. На выходе из аудитории он сорвался, наорав на молоденького красноармейца. Разозлился на себя за слабость и ударил его в скулу. Почувствовав боль в костяшках и увидев кровь на руке, он снова дёрнул щекой и, стараясь не бежать, покинул университет.

Коленька Побединский провожал Веру домой. Всем было давно уже ясно, что они влюблены друг в друга.

И Верочка перед сном, в мечтах, примеряла на себя фамилию Побединская. Это звучало красиво. Вера Побединская. Звучало почти как у какой-нибудь известной актрисы немого кино.

Она репетировала перед зеркалом трагический, не достижимый для обычных простушек, взгляд и шептала "Вера Побединская".

Утаскивала с кухни малюсенький кусочек свеклы, если матери удавалось выменять или купить на рынке, делала кровавые губы и трагический взгляд. Понимающий, прощающий и недостижимо трагичный одновременно. Вера поддерживала сползающий с плеча шелковый халатик, ещё не проданный на рынке, чтобы выручить хоть какие-то деньги и купить на них плебейской картошки или уже спитого, вновь высушенного чая. Она прощала добродушно и высокомерно, прощала всех своих мучителей.

Представления о мучителях были туманны, и не понятно было, чем они мучили тонкую и нежную натуру Веры. Хотелось трагической судьбы и высоких чувств. Любви. Разбивания сердец и счастья.

Все это витало в воздухе, трагизм и перемены судеб. Когда жизнь человека менялась просто одним щелчком. Но все это пока ещё шло мимо Верочки.

У неё все было просто и предсказуемо. После праздников, Коленька, наверняка уже решиться сделать предложение. Она, чтобы подтолкнуть его к этому шагу, изучила некоторые уловки, безобидные, но действенные, как заверила её более опытная подруга. Верочка особенно спрашивала, действительно ли уловки безобидны, она хотела не принуждения к браку, а лишь единения сердец и свободной воли каждого.

Они обвенчаются к весне, после поста. Обвенчаются и будут жить. Николай и Вера Побединские. Друзья будут говорить про них "а поедemте сегодня к Побединским, они принимают". Коленька доучиться, и будет ходить на службу.

Дальнейшее Вера представить не могла. Особенно её смущала часть семейной жизни, относящаяся к появлению детей и самим детям. С ними надо будет что-то делать. Водиться, воспитывать и учить. На этом в воображении возникала маменька, только со сморщившимся лицом самой Верочки, и начинала её учить, как быть с младенцами без прислуги. И взгляд у Верочки тут же становился трагическим и понимающим, но лицо было морщинистое. Но кто же полюбит такое уродище? Верочка мотала головой, отгоняя страшное.

Коленька, поддерживая Веру под руку и наклоняясь к ней, рассказывал пресмешной случай, который случился в университете.

Он видел розовую от мороза маленькую и трогательную мочку Верочкиного ушка. Мочка была беззащитная и дырочкой, сережки давно проданы, понял Коля. Проданы сережки, конечно, на рынке, спекулянтам, и давно уже проедены. Русский локон выбился из-под потертой беличьей шапочки. И вся эта картина вызывала у Коленьки щекотание в носу и нежность. Он поклялся, глядя на розовое ушко Верочки, что непременно в подарок на свадьбу достанет красивые сережки для Веры, и ни за что не позволит сменять их на еду. Он будет служить, как закончит университет. Инженеры нужны всегда – и при новой власти, и при старой. Коленька вздохнул, подумав о новой власти, с ее лозунгами и обещаниями расстрелять всех их, студентов и гимназистов, не важно, на кого они учатся, на инженеров, докторов или учителей, и продолжил:

– Представители новой власти, – он снисходительно хмыкнул, и облачко пара, вырвавшись изо рта, на секунду скрыло розовую мочку Верочки.

Где-то внизу живота все сжалось от любви и нежности.

– Собрали нас, представь, и профессоров и студентов. Выбрали, как нарочно, самую большую и холодную аудиторию. И представитель, – Коленька поморщился, вспомнив грязные портянки, торчащие из господских, бывших, как говорят эти представители, ботинок. Он отогнал это видение, чтобы не думать о том, с кого сняты эти ботинки, и жив ли этот бывший, – представитель этот, с совершенно дурацкой фамилией то ли Дураков, то ли Дуралеев, нет, не помню! Представь, по слогам читал нам приказ! Нам! Словно мы не смышленные дети и букв не разумеем!

– Что ждать от этой власти! – Верочка дернула плечиком, – коли они даже начатую при старой власти канализацию достроить не могут! Живем в грязи, как темные века! Канализация важнее для города всех этих лозунгов и приказов!

– Без инженеров, Верочка, все равно не обойтись! – сказал Коленька. – А приказ, как обычно, всех и за все расстрелять.

– За что ж на этот раз? – улыбнулась Вера, быстро и смело взглянув в глаза Коленьке, как учила подруга, потом, будто опомнившись, опустила длинные ресницы и засмушалась.

– На этот раз? – реакция Коленьки была как по нотам.

Он сбился с мысли и покраснел.

– Расстрелять? – помогла ему Верочка и решила проверить еще один трюк.

Такой же быстрый взгляд, в самые зрачки, в глубину, в душу посмотреть, опять опустить ресницы, словно испугавшись своей смелости, улыбнуться, извиняясь, и прикоснуться случайно к открытой коже. Но прикасаться было не к чему, открытой кожи на морозе только лицо,

остальное все упрятано в пальто и грубые рукавицы. Но Верочка, рассмеявшись глупости этих советов, просто смахнула снежинки с воротника Коленьки.

Коля разволновался, снял свои грубые варежки и поймал Верочкину руку, прижал к себе и жарко зашептал:

– Верочка, я понимаю, все не так, – он постарался отогнать видение локона и ушка, – все не так должно происходить. Но Верочка, окажешь ли ты мне честь...

Вера заворожено смотрела на заикающегося Коленьку, и про себя шептала "ну, ну же!". Вот сейчас, сейчас сбудется то, о чем мечталось! И она от волнения, не замечая, сильно сжимала руку Коленьки.

– Ага, голубы!

Признание Коленьки перебил грубый прокуренный голос. Из-за поворота вышло трое красноармейцев.

– Милуются, – презрительно посмотрел на Коленьку один, видимо старший, и сплюнул себе под ноги желтую табачную слюну.

– Дурнев! – вспомнил, наконец, Коленька дурацкую фамилию.

Красноармеец дернулся и внимательно посмотрел на Колю.

– Вспомнил фамилию вашу! – улыбнулся Коленька. – Вы приходили давеча к нам в университет.

– Университет, – повторил эхом красноармеец, цыкнул слюной в дырку от переднего зуба, и снова плюнул уже под ноги Верочке. – Студент значит, – прищурился Дурнев. – Утром только я этим контрам объяснял, что будет за нарушение военного положения, – он обвел тяжелым взглядом своих товарищей.

Один, совсем молоденький красноармеец, «видимо тоже, давешний, с разбитой скулой» – подумал Коленька, отвел взгляд. А второй, чувствуя, что назревает веселье, улыбнулся выжидающе.

– Вы, Дурнев, – начал Коленька, чувствуя, как сохнет во рту от волнения, и колени начинают подгибаться под тяжелым взглядом красноармейца, – обижаете таким своим поведением барышню. Не хорошо плевать людям под ноги.

Вера, не переставая сжимать руку Коленьки, стала шептать ему:

– Молчи, молчи, ради Бога!

– Правильно, говорит, молчи, контра! – Дурнев снова сплюнул, попав Верочке на юбку.

Коля выпустил руки Верочки, и развернулся лицом к Дурневу.

– Вы, Дурнев, представляете сейчас власть в нашем городе, – изо всех сил старался говорить Коленька спокойно, – а ведете себя недостойно. Извольте принести даме извинения!

Верочка схватила Колю за холодную руку и стала тянуть. «Бежать, надо бежать» – крутилось у нее в голове, – «как можно дальше от этих страшных людей».

Дурнев нехорошо улыбнулся, расстегнул кобуру и положил руку на рукоять нагана.

Коля, понимая, что он обречен уже на этот самый расстрел всех и за все, сжал кулаки и продолжил:

– Дурнев, я настаиваю, что бы вы, – понимая, как бесит он этим «вы» Дурнева, повторил еще раз, – **ВЫ** принесли извинения даме.

Дурнев не отвечая, подошел вплотную к Коленьке, и дыша перегаром ему в лицо, вынул наган и, не отрывая взгляда от глаз Коленьки, выстрелил ему в грудь. Он, не мигая, продолжал смотреть в глаза Коле, и в тот момент, когда Коленька почувствовал, как Дурнев ткнул его наганом в грудь, и в глазах Коли колыхнулся страх, и как он загнал этот страх внутрь, Коля тоже сузил глаза и стал зло и вызывающе смотреть на Дурнева. Дурнев с интересом наблюдал за Колей, и когда пуля, разрывая пальто, кожу и мышцы, и когда в глазах Коли появилось удивление и обида маленького ребенка, что его так подло обманули, и жизнь, которая только

началась, уже рвется на части. Смотрел, когда он падал, уже в изнеможении от боли, закрыв глаза.

Молоденький красноармеец, с разбитой скулой, отводил глаза и плакал, кусая губы.

Второй, с жадным любопытством смотрел на Колю, Веру и кровь. Кровь брызгами разлетелась на снег, на Верину беличью шапочку, на лицо и на розовую мочку.

Вера от дикого испуга, что все это происходит с ней, сейчас, весь этот ужас, кричала на одной высокой ноте. Не то, не то должно быть! «А, поедemте сегодня к Подебинским», – проносилось у нее в голове, как испорченная граммофонная пластинка. Почему вместо того, чтобы дать свое согласие на предложение Коленки, она видит, как он умирает?

Коля упал на снег, а Вера стояла, не выпуская его руки из своей. И не понимала, как ей теперь жить дальше, она кричала уже сорванным до хрипоты голосом.

– Заткнись, сука, – спокойно сказал ей Дурнев и не сильно ударил Веру в лицо. И пошел дальше по своим делам, словно и не останавливался, и не убивал Колю, и не ударил только что Веру.

Вера выпустила руку Коленки, и ударила проходящего мимо Дурнева. Просто хлопнула его по лицу, не в силах сдерживать свою боль и ужас.

Дурнев развернулся и ударил Веру в живот. Она упала на спину, неуклюже вывернув одну ногу. Юбки задрались, и она ни как не могла встать. Барахталась в снегу и выла от бессилия. Дурнев посмотрел на нее, хмыкнул, подошел и поднял как куклу, за воротник пальто.

– Вали отсюда! – грубо приказал.

Верочка посмотрела в глаза Дурнева и вновь увидела умирающего Коленку, взвыла и вцепилась ногтями ему в лицо. Она рвала его плоское и скуластое лицо, лицо которое теперь ненавидела больше всего на свете. Визжала и рвала до крови.

Товарищи Дурнева пытались оттащить Веру, но она вертелась, извивалась и вырывалась и вновь рвала Дурнева, до тех пор, пока он не вывернулся и не ударил ее, не жалея в под дых. Она задохнулась, хватая ртом воздух, и упала вновь на снег. Дурнев навалился на нее и стал рвать одежду, беззвучно крича:

– Убью сука! Убью.

Больше Вера ничего не помнила. Иногда, потом возникало лицо Дурнева, искаженное в сладострастной ненависти, потом второго красноармейца. От него пахло чесноком и чем-то мерзко кислым. А молоденький, со сбитой скулой, выл у забора и блевал от ужаса.

Год после этого Вера жила, раздираемая двумя желаниями – выскоблить из себя эту грязь, а потом покончить с собой. Она продумывала разные способы смерти. Долго и придирчиво рассматривала ножи на кухне, где ее ловила мать. Отбирала ножи, и прятала их. Пропускала сквозь пальцы шелковые шнуры, выбирая скользкость и нежность удавки. Потом, вдруг очнувшись, валялась под иконами и вымаливала прощения за страшные и греховные мысли. Истово молилась за Коленку. Потом мечтала встретить Дурнева и убить, и смотреть неотрывно в глаза, пока он корчиться в страшных предсмертных муках. И снова истово молилась.

Она не заметила, как умерла ее мать. От тифа. Просто увидела ее утром уже холодную. И легла рядом. Чтобы тоже умереть. Ее нашла соседка через два дня. И отвела к себе, рожать.

И когда Вера смотрела на Райку и злилась на нее, она видела в ее чертах эту скуластость. Кричала и отворачивалась.

А Райка, не понимала этого, не знала, почему мать себя так ведет. И тоже злилась:

– Сгульнула, а на меня орешь! – она щурила глаза и вызывающе смотрела на Веру. – Хоть бы красивого выбирала! Сама, вон и старая красавица, а я? – и она придирчиво рассматривала себя в зеркало, пытаясь найти тонкие материны черты.

– Хоть бы на квартиру наблядовала, – вздыхала иногда мать. – Нам бы с Петенькой отдельную комнату.

Не такое это удовольствие жит в трущобах, пусть даже на Красноармейкой, в центре города. "Провал социализма", ворчала райкина мать. Райка шикала на неё, но про себя соглашалась. Улица действительно словно проваливалась в овраг с мелкой речкой Егошихой. Куда жители из деревянных домов с Красноармейской улицы скидывали мусор, а в реку сливали говно. Самый центр Перми, вокруг все уже застроили большими и светлыми сталинскими домами. Райка потянулась и подумала, что лучше всего жить в Доме Чекистов. Большущий дом, построенный перед самой войной, чуть ниже Красноармейской, на улице Карла Маркса. Планировали построить целый комплекс таких домов, чтобы пролетая над городом, можно было прочесть слово "Сталин". Первый дом выстроили в соответствии с планом – это была громадная буква "с". В дом заселили партийную элиту и работников УВД, работавших в Башне Смерти. Высоченные потолки, комнат минимум три, и ещё каморки для прислуги. Да, хорошо бы.

Но Райка, вытаскивала из чемодана новую меховую горжетку, которую подарил ей недавно овдовевший любовник, уже старый, но щедрый; водружала ее на атласное, цветастое платье и шла гулять.

Это был ритуал. Выйти красивой, разодетой и пройти по коротенькой Красноармейской улице, мимо всех соседок, которые ее ненавидят.

Глава 2

Семья Нюси, по послевоенным меркам, была счастливая. У нее имелся муж. Он вернулся с войны. Даже с двух войн. Раненный, но не калека. Вдовы соседки смотрели на Нюскиного мужа, и шептались «точно, заговоренный». И рассказывали друг другу, что мать у него ведьма. Или святая. Вымолила сына с двух войн.

Он смог вернуться с финской. Его после боя, раненого, нашли только через сутки, вмерзшего в лед, с простреленным легким. И выкорчевывали из льда колунами, не надеясь, что выживет, отправили домой умирать. Выжил. А в сорок третьем его комиссовали уже окончательно, после ранения. Одного – в ключицу – пуля перебила кость и вышла со спины. Рука перестала действовать. И в скулу. Разворотило так, что смотреть было больно. После все манипуляций в госпитале выписали домой, гнойного, не заживающего. Почти умирать. Он выжил. И рука заработала.

Пока он то бился с врагом, то за свою жизнь, Нюся билась одна с тремя детьми, которых муж успел ей заделать в перерывах между своими битвами.

Нюся работала медсестрой в госпитале, а по ночам стирала чужое белье, чтобы заработать и прокормить троих нахлебников.

После войны жизнь семьи постепенно наладилась, но Нюся все равно ходила с красными, словно обваренными кипятком, руками. Стирала по ночам. Детей воспитывала в строгости. Сашка, средний, в десять хорошо знал свои обязанности. Школа, потом к матери в госпиталь с неподъемной флягой, за обедками. Домашка. Потом – вычистить и вывезти все из свинарника. Потом, если останется время – натаскать матери воды с колонки.

Сашка, грузил мятую алюминиевую сорокалитровую флягу – зимой на старые санки, а летом на грубо сколоченную тележку – и тащился в госпиталь. Пацаны играли в бабки и свистели Сашке в след. Сашка матерился про себя, но с матерью не поспоришь. Маленькая Нюся, едва доставала своему мужу до плеча, но держала всю семью в кулаке.

Дойдя до госпиталя, Сашка привычно поворачивал налево и шел на запах, к кухне. Манька, молодая деваха, щипала Сашку, иногда совала ему кусок сахара за щеку руками, пахнущими едой и помоями одновременно. Потом хватала флягу и уносила на кухню. Там наливала и скидывала все обедки, которые остались после ее тщательной сортировки. То, что еще было пригодно, на взгляд Маньки, она складывала себе, кормить мать и братиков, а то, что уже совсем не напоминало еду, сваливала во флягу Сашке. Распахивая дверь ногой, она, почти не напрягаясь, выносила полную флягу и бухала ее на тележку. Еще раз щипала Сашку за щеку, где топорщился кусок рафинада, и давала легкий подзатыльник на прощание. Особенно тяжело было зимой. Тропинка напрямик от госпиталя к дому – узкая, скользкая. Фляга тяжеленная, вытягивает все жилы из Сашки. Он, сжав зубы, волочет ее, проклиная все на свете, стараясь удержать, чтобы не перевернулась.

Райка и Нюся были соседями. Жили в соседних домах на Красноармейской. На этой маленькой улице в самом центре Перми стояло всего несколько деревянных домишек – коммунальных, набитых под завязку семьями. А вокруг уже возвышались дома, понастроенные перед войной, с высокими потолками. И строились такие же дома – пленными немцами. А рядом была – в старом, красного кирпича, здании – школа. Уже почти элитная, языковая. Там учились дети из близлежащих сталинок. И из Дома чекистов. И с Красноармейской.

Дети из сталинок на красноармейских смотрели свысока. Оборванцы. Петька, правда, выглядел чуть лучше. И одет был в подаренные матери обноски от детей из сталинок, и питался, не в пример лучше Сашки. Но все равно был оборванцем. И все знали, кем была его мать. Поэтому красноармейские держались вместе. Учительница пыталась было установить в классе равенство, но не получилось. Сдалась. Следила только, чтобы сильно красноармейских не

донимали. Оставляла после уроков и долго и нудно вещала о том, что в советском государстве все люди равны. Не для того была Революция, чтобы продолжалось унижение человека человеком. Но кто ее слушал, она тоже ходила в школу, как оборванка.

– Лучшее украшение девочки – чистые волосы, – уговаривала она девочек из сталинок. – Выглядеть надо опрятно.

И сама она выглядела опрятно. В мастерски заштопанном и уже не раз перелицованном платье.

Петька и Сашка сидели вместе. Их в классе было только двое, оборванцев. Не то, что бы дружили, но приходилось держаться вместе.

На большой перемене, доставали в салфетках завернутый обед. У Сашки и Пети это был хлеб и маргарин. У остальных, по-разному. Бывала и курица, и колбаса. И конфеты. Те, из сталинок, угощали друг друга.

К обеду приходила мать Юры Газетова, красивая и молодая Елена Ивановна, приносила чай. Готовила его дома, заматывала громадный эмалированный чайник в старую мужнину куртку и торопилась, пока горячий, напоить ребят. И всегда выдавала к чаю ложку сахара. Хочешь в чай, а хочешь, на хлеб с маргарином насыплет аккуратным тонким слоем. Сашка любил на бутерброд. Чтоб хрустело. Маргарин смешивался во рту с сахаром, и это было время счастья. Горячий чай и сладкий хлеб. Мать рассказывала, что так делали до войны торт. Пекли сладкое тесто и мазали его маслом, взбитым с сахаром. И так много слоев. И украшали. Такое было представить почти невозможно. А хлеб с маргарином и сахаром – запросто.

Училке наливали большую кружку, та всегда отказывалась, а потом краснела и принимала кружку чая и ложку сахара. Она пила чай без ничего. Стараясь не смотреть на детей.

Вовка Шапцев недолюбливал Петьку. И бил его то в туалете, то за школой. Но при Сашке побаивался и старался изводить по-другому.

– Видишь, – он водил у Сашки и Петьки перед носом большущей шоколадкой. – Мне отец подарил! Бабаевский! – с придыханием прошептал Вовка показывая этим остолопам, что они такого сроду не пробовали.

Он медленно провел шоколадкой прямо под носами у Петьки и Сашки. Даже через обертку пробирался запах шоколада. Сашка сжал зубы, но не удержался и втянул дивный запах. Запах защекотал ноздри. Сразу представился торт, большие куски белого хлеба, маргарин, сахар и сверху наломанный кусками шоколад. Какой он на вкус, Сашка не мог представить. Но вкусный, знал точно. Сашка поморгал, вздохнул, пытаясь взять себя в руки, и посмотрел на Петьку.

Петька, на удивление, носом не водил, запахи не вдыхал и стоял, даже немного сморщившись. И немного презрительно поглядывая на Вовку.

– И чо?

– И то, – обиделся Вовка, что шоколад не произвел нужного впечатления. – Ты такого и не пробовал! – припечатал он презрительно Петьку.

– Да у нас дома такого навалом! – Петька дернул слюной через выбитый зуб, хотел было плюнуть, но вспомнил, что опять влетит от училки. – Вовка, как пить дать нажалуется.

– Бреешь! – не сдержался Сашка.

Петька оскорблено посмотрел на Сашку. Не ожидал он такого от своего соседа.

– Я? – Петька сжал кулаки, изо всех сил стараясь не стукнуть Сашку. – Я брешу? Пошли. Покажу.

Он подхватил свой портфель и решительно зашагал на выход. Всю дорогу они не разговаривали. Сашка ждал, что когда они отойдут на приличное расстояние от школы, Петька сознается в обмане, они плюнут на руки и пожмут, как взрослые мужики, и договорятся не сдавать друг друга. А на завтра распишут, как съели шоколад напополам. Нет, по целой шоколадине на нос!

Петька шел и молчал. Он знал, где мать хранит шоколад. Даже несколько плиток. Но она ему их не дает. Они лежат у нее на делю. Так она говорит. Чтобы подмазать кого-нибудь. Достать что-то нужное и расплатиться шоколадом. Он понимал, что просто показать Сашке шоколадку и спрятать обратно будет подлю. А съесть ее – мать убьет. За все время, как у них появился шоколад, мать дала попробовать только один раз. Достала, выложила на бабину скатерть и разделила ровно на три части.

– Ешь, – она грозно посмотрела на Петьку. – Больше не получишь. А возьмешь без спроса – убью.

Он знал, что мать слово сдержит. Но сказать Сашке, что он соврал, не мог. Так и не решив до конца, что делать, он понадеялся, что дома кто-нибудь окажется, или бабка или мать, и все сорвется по естественным причинам.

Они дошли до дома Петьки. Сашка помялся, потому что никогда не был в этом доме, и потому что мать ему запретила под угрозой страшной порки бывать в этом доме. И вообще водиться с сыном этой, мать многозначительно поднимала брови и поджимала губы. А Сашка давно уже знал это слово.

Дома, как на грех, никого не оказалось. Петька насупился, но решил не отступать. Бросил портфель на их с бабкой кровать. И полез под все эти бабкины вышитые подзоры, свешивающиеся с кровати, за чемоданом. Открыл, не вытаскивая его из-под кровати, нащупал шуршащую плитку. Задержался, подумав, что еще можно сознаться Сашке, что шоколада-то нет на самом деле, вздохнул и вытащил плитку.

– Вот! – Петька с превосходством, но сидя еще на полу, посмотрел на Сашку.

Сашка взял шоколад из рук Петьки, понюхал, удостоверившись, что пахнет точно также, и вернул обратно.

– Хочешь? – как можно небрежнее спросил Петька, немного подсыкая, что Сашка все же согласится.

– Ну, – неопределенно протянул Сашка.

– Да чо, – не утерпел и рисанулся Петька, —мать еще принесет.

– А влетит?

– Ешь, – по-барски разрешил Петька.

Разорвал обертку и разломил шоколадку на две половины.

Ночью Сашке снился торт. Сплошь усыпанный шоколадом.

А вечером, в воскресенье, пришла Райка – в меховой горжетке на перекатывающемся, словно ртуть атласное платье. Поговорить с Нюсей.

Брезгливо морщась, она прошла на кухню, где Нюся кипятила белье и полоскала в расставленных на табуретках тазиках.

– Знаешь, – она наморщила нос, от тяжелого запаха, – приходил тут Сашка твой в гости, к моему, – она выжидательно уставилась на Нюсю.

Нюся, вытерла пот со лба распаренной красной рукой с сорванной мозолью от постоянного выжимания белья и села, тяжело вздохнув. Райка, не дождавшись ответа, продолжила:

– Он украл шоколад, – она внимательно смотрела на реакцию Нюси, – и съел.

Сашка, втащил в кухню два ведра воды с колонки. И увидел Райку. Посмотрел на мать и понял, что Петька все свалил на него.

Нюся встала, взяла мокрое полотенце и огрела им Сашку. Сашка, расплескивая воду из ведер, стукнулся об косяк.

– Я не крал! – заорал Сашка.

Нюся, сжала зубы так, что заходили желваки, и ударила еще раз, и еще. Сашка вырвался с кухни и попытался спрятаться в комнате. Было не так больно, сколько обидно. Обидно до слез, что Петька сам, сам предложил свой поганый шоколад, а испугавшись, свалил на него.

Нюся, не отставая от сына, поскользнувшись на разлитой воде, вбежала в комнату и продолжала лупить Сашку мокрым полотенцем.

Райка, занервничала. Она не так представляла себе разговор с Нюсей. Ей, хотелось слегка унижить Нюську, не любила она ее за то, что слишком правильная. За то, что не разрешала сыну дружить с Петькой. И все. Но увидев, как достается, эта правильность, Райка расстроилась. Даже пожалела Нюсю.

– Стой, – Райка попыталась поймать мокрое полотенце, – Петька соврал. Наверняка соврал!

Нюся, не слыша Райку, била полотенцем сына. Райка пыталась схватить и остановить Нюсю, но вместо этого попала под удар. Мокрое и холодное полотенце со всего размаху шлепнулось в лицо Райке, сломав прическу и размазав красную помаду по лицу. Нюся, краем глаза увидев красноту на полотенце, остановилась. Ей почудилось, что это кровь. Она повернулась к Райке и смотрела на нее, не отрываясь. Райка, растрепанная, с размазанной кроваво-красной помадой по одной щеке, с мокрой, съехавшей горжеткой, стояла напротив, сдувала мокрую прядь волос с носа, и тоже смотрела на Нюсю.

Сашка тихо слинял из комнаты – звать отца. Сейчас будет драка. Райка точно убьет мать. Он не сомневался в этом. Райка выше, дороднее и сильнее. За расквашенный нос и сломанную прическу она убьет мать.

Пока он в истерике бегал по соседним домам, разыскивая отца, в голове стучала одна мысль «только бы не опоздать». Пробежав и так и не найдя отца, он со страхом шел домой, ругая себя, что не додумался до самого простого – постучать к соседям и попросить помочь их растащить.

Дойдя до дома на трясущихся ногах, Сашка осторожно прислушался, надеясь, что не услышит, как хрипит мать, избитая и брошенная Райкой. Вместо этого, он услышал, как мать смеется:

– Да все они, Райка, кобели!

Сашка услышал звон рюмок.

– Ну, вот и выпьем за это! – рассмеялась Райка. – Кобели они, а страдаем мы.

Сашка сидел у закрытой двери и слушал, как мать и Райка, жалуются друг другу на жизнь, на мужиков и на безденежье. Иногда брякает стекло. Пьют бабы за беспросветную свою жизнь. Им нельзя мешать. Сашка это понимал. Он сидел у закрытой двери и охранял. А сестер отправил спать к соседке.

Две морковинки

Чем ближе к Богу – тем прозрачнее старики. Они уже рядом, совсем рядом с вечностью. И видят одновременно наш суетный и беспощадный мир и тот – еще не четко, словно сквозь прорехи на льняном полотне. Тоненькие, истертые ниточки держат их еще здесь. Еще чуть-чуть, ткань порвется под напором, и все.

Они прозрачны, эти старики. Истончаясь под солнечным светом, они постепенно тают. И не важно, какого цвета у них глаза, со старостью они становятся прозрачными. Сквозь их глаза на нас глядит небытие.

Такие же глаза у младенцев. Они еще не совсем пришли в наш мир из вечности. С каждым днем из глаз младенцев уходит вечность, проступая в глазах стариков.

Не все старики прозрачны. Только те, кто пережил все страсти этого мира. Отпустил все горести и простил все предательства. Они становятся безмятежны в своей любви и любовании миром. В тихом наслаждении новым днем, дождливым или снежным; скрипом половицы; улетающей в небо божьей коровкой. Помните, «божья коровка, улети на небо...».

Уходят так же тихо, во сне, словно совсем растворяясь. Божьи одуванчики.

Дунул, и нет одуванчика, осталось только щемящее чувство потери и одиночества.

Петр Иванович сидел у постели своей старенькой учительницы, Веры Соломоновны, держал ее за прохладную, сухую и легкую руку. И чувствовал себя беспомощным.

Это раздражало. Чувство беспомощности.

Она действительно стала похожа на божий одуванчик. Мелким бесом кудрявые волосы всегда вызывающе топорщились в стороны и вылезали непослушными прядями из приличной култышки. Вера Соломоновна останавливалась на секунду и заправляла непокорную черную прядь в прическу. И продолжала рассказывать о поэзии. Она преподавала литературу в школе.

Петька не любил стихи. Экая глупость, рифмованные строчки! Поэты ему представлялись бездельниками в шелковых блузах с бантами. Разве так должен выглядеть мужчина?

Мужчина должен походить на его отца: суровый, воевавший в революцию с самим Буденным! А сейчас работает на заводе, стахановец! Он любимой стране помогает. Станки делает. И еще что-то, о чем не может говорить, потому что работает в закрытом цехе. Вот какой у него отец!

А ты сиди, нуди на этих глупых уроках про всякие глупости! Ладно, если еще стихи попадают революционные! А то про любовь! Фу! Девчонки дуры, понятно, им бы только про любовь! Хихикают, краснеют, теребят атласные бантики свои, когда вслух читают. Не уроки, а каторга!

И Вера Соломоновна зануда редкая. Хоть и говорят, что в гражданскую тоже сражалась. Чем? Стихами своими беляков била? То-то бы испугались они ее.

На любую тему у нее – стихи. Даже на классном часе провинившегося Петьку она стихами отчитывает, к месту вспомнившимися. Из всех уроков литература – самый бесполезный урок. Так рассуждал Петька по дороге домой.

Вот для чего она, в сущности, нужна? Петька пнул обломок кирпича и оторвал подметку у ботинка. Попадет от отца, вздохнул Петька. Опять уши надерет. Придет Петька завтра в школу, а Вера Соломоновна уж найдет, что сказать про его уши...

Петька снова вздохнул и принялся размышлять. Вот математика – «царица наук», так говорит отец. Хоть Петьке и не нравится слово «царица», старорежимное слово, не может быть в рабочем государстве «цариц», пусть даже и в науках.

Петька остановился и посмотрел на просящий кашу ботинок. Из дыры высовывался голый и чумазый палец. Он пошевелил пальцем, рассмеялся и пошел дальше, рассуждая. Нравилось Петьке рассуждать. Как взрослый.

Да, математика важная наука. Самая, наверное, наиглавнейшая! Только вот сложная. Варька хорошо соображает. Петька нахмурился. Варька... косички смешные и конопушки... улыбается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.